

суффиксов, постоянные инверсии и стихотворный размер (10 слогов с сильными ударениями на 3-м и 7-м слогах, с цезурой посередине), заставляющий вспомнить Кольцова, Никитина и их подражателей, но не народных песни. Смысл пугачевского восстания в этой песне не раскрыт, аналогия между Ермаком и Пугачевым («по крови братья»), «верные сыновья Руси матушки») исторически неверна и в народных песнях и преданиях не встречается (заключительные слова Пугачева — «буду собирать рать, чтоб не царствовал род дворянский, а вольготно жил люд крестьянский» — не исправляют дела). Подлинные народные песни и предания о Пугачеве несравненно глубже и вернее показывают классовую сущность восстания и отношение народа к Пугачеву. Между тем это слабое произведение не только без всяких оговорок помещается в сборнике, но и рекомендуется читателю как ценный и интересный вариант неизвестной доселе песни о Пугачеве (см. предисловие, стр. 11). Это говорит о некритическом отношении составителя и редактора к публикуемому материалу и заставляет настроенно отнестись и к другим записям (в некоторых литературная правка иногда чувствуется, некоторые — просто слабые произведения). Хочется пожелать, чтобы обещанный второй выпуск записей И. С. Зайцевым — советский фольклор Южного Урала был сделан более тщательно и дал бы правильное представление о современном поэтическом творчестве южноуральских рабочих и крестьян.

В. Соколова

И. Г. Париров, *Русский фольклор Нарыма*, Новосибирск, 1948.

Сборник И. Г. Парирова является первой крупной послевоенной публикацией сибирского фольклора и заслуживает внимания прежде всего свежестью публикуемого материала. Русский фольклор Нарыма до настоящего сборника был почти неизвестен не только широкому читательским кругам, но и фольклористам-специалистам. Книга И. Г. Парирова является первой попыткой характеристики русского фольклора Нарыма в его современном состоянии и, частично, в его прошедшем.

Публикация И. Г. Парирова дает возможность продолжить изучение очень сложного в фольклорном отношении устного творчества Сибири. В течение многих лет богатый русский сибирский фольклор широко пополнялся песнями политкаторжан, песнями каторги и ссылки, новыми песнями и сказками, приносимыми в традиционный сибирский фольклор переселенцами. Вполне понятен поэтому тот интерес, с которым и читатель, и исследователь обращаются к работе И. Г. Парирова.

При всем своем значении первой публикации русского фольклора Нарыма, книга имеет недостатки, которые, кстати сказать, свойственны и другим фольклорным сборникам последних лет. Основная отрицательная черта — недостаточность советского фольклора — бросается в глаза при первом же знакомстве с книгой. Материал в анализируемом сборнике расположен по жанрам. В нем представлены сказки, местные предания и рассказы о прошлом Нарыма, песни (свадебные, хороводные, игровые, плясовые, шуточные и сатирические, любовные и семейные, исторические, солдатские и казачьи, песни о ссылке и тюрьме, песни о Великой Отечественной войне), частушки, пословицы и поговорки, детский фольклор. Былины автору в живом бытовании не встретились; о причитаниях и загадках он не упоминает совсем, ничем этого не мотивируя. При таком распределении материала современный советский фольклор оказался в тени. Автор не вскрывает принципиальной разницы, того качественного различия, которое существует между фольклором традиционным и современным. В частности, такая характерная черта современного фольклора, как его тесная связь с литературой, с печатным словом вообще, воспринимается автором как нечто чуждое и неполноценное. И. Г. Париров разделяет, например, публикуемые песни на подлинно народные, фольклорные «не только по бытованию, но и по происхождению», и на песни литературного происхождения, которые, видимо, к подлинно народным отнестись нельзя. Советская фольклористика давно уже отказалась от старых идеалистических представлений о народном творчестве, как о чем-то замкнутом и развивающемся в самом себе. Если собиратель считает правомерным (и правильно считает!) включать в свой сборник ставшие народными варианты «Катюши» Исаковского, то ему нет нужды оправдываться в публикации таких сказок, как «Бова» и «Еруслан», или таких песен, как «Что ты, ветка бедная» или «Вянет, пропадает красота моя» и др.

Для связи современного фольклора с литературой характерна не только фольклоризация книжных произведений, но и создание новых, подобных песням Г. Р. Костыревой. Автор правильно сделал, поместив эти песни в свой сборник; следовало бы только подчеркнуть типичность такого явления для современного фольклора. Костырева для Нарыма — это то же, что Яркова в Пензенской области, Рогожникова на Урале, Голубкова на Севере.

Недостаточность современного фольклора в сборнике тем более удивительна, что экспедиции проводились в дни Великой Отечественной войны, когда устное народное творчество достигло мощного подъема и характеризовалось расцветом советского патриотизма, гордости за свое национальное прошлое. Собранный автором материал лишь частично отражает это. Книга значительно выиграла бы, если бы советский

фольклор был представлен большим количеством образцов и жанров. По сборнику И. Г. Парилова нет возможности представить себе, из чего же складывается, например, фольклор современной деревни, фольклор колхоза, какое место в этом фольклоре занимают традиционные жанры, лирические песни, насколько распространена частушка и т. д. Стремление показать фольклор в его жанровой многообразии и жанровой эволюции привело автора к отрыву фольклора от современной жизни, от его бытования. Фольклор в сборнике рассматривается как нечто отвлеченное, абстрагированное, не связанное с колхозной действительностью, с жизнью советской деревни.

Таковы основные недочеты этого сборника. Остальные замечания носят более частный характер и относятся, главным образом, к анализу сказок во вступительной статье. Так, неудачен термин «эпическая традиция» в значении сказочной традиции, потому что под эпической традицией чаще разумеется былевая. В анализе сказок И. Г. Парилова исходит из уже добытых фольклористикой данных, не замечая того, что иногда его наблюдения находятся в противоречии с его же положениями. Например, подчеркивая восточное происхождение Еруслана и западное — Бовы, автор уделяет много внимания выявлению национального характера этих образов, но не делает из этого нужных выводов.

Слишком категоричны некоторые заявления автора. Например, едва ли есть основание утверждать, что источник сказки о Гуаке (рыцарская повесть) установлен самим И. Г. Париловым. Существование устных сказок на сюжеты рыцарских романов было установлено еще в XIX в. Следовало бы также указать, что эпичность богатырских сказок — явление, характерное не только для нарымской сказки, а для богатырской сказки вообще, что это вовсе не индивидуальная манера сказочников Нарыма. Точно так же нельзя отнести за счет индивидуальной манеры сказочницы А. В. Псповой подчеркивание ума Иванушки-дурака. Подобная трактовка типична для многих вариантов данного сюжета, что и дало возможность А. М. Горькому отнести этот образ к числу обобщающих фольклорных образов, типичных в своем жизнеутверждающем оптимизме.

Следует сказать несколько слов и о примечаниях к сказкам. В примечаниях приводятся источники сказок и указываются их варианты вплоть до привлечения рукописных материалов Гослитмузея. Это хорошо. Удивляет только, почему автор сравнивает свои записи только с сибирскими публикациями, да еще исключая публикации сибирских сказок, издаваемые вне Сибири. Например, не учтен сборник М. К. Азадовского «Сказки Магая», а между тем сказка 10-я этого сборника («Еруслан Лазаревич») могла бы дать автору благодарный материал для сравнения. Сопоставление же сказки Сопыряева о Еруслане с одноименной сказкой белозерского сказочника Ганина показало бы автору, что вариант Сопыряева гораздо ближе к эпической сказке Ганина, чем к лубочному тексту, опубликованному А. Н. Афанасьевым. Не воскрешает ли автор своим предпочтением сибирских публикаций ту самую вредную теорию и практику областничества, которую он сам же осудил во вступительной статье?

Характеристики сказочников довольно полны и содержательны, однако, отсутствие репертуарных списков известных сказочникам сюжетов мешает полнее и правильнее представить общую картину бытования сказки в Нарыме и, в частности, профиль того или иного сказочника.

Очень обособленно и недостаточно глубоко разобраны в сборнике Парилова местные предания и сказы. Автор отказался от сопоставления их с однородными произведениями других местностей, хотя сказы и предания о Разине и Пугачеве, собранные Лозановой, представляли благодарный для сравнения материал. Отсутствие такого сопоставления помешало автору показать, в чем же специфика данных сказов, преданий и рассказов, в чем выявляется их колорит местного сибирского предания.

Наконец, автор совсем ничего не говорит о том, оказал ли какое влияние на русский фольклор Нарыма (мы имеем в виду, главным образом, сказки.— Л. П., Л. С.) местный фольклор других народов края? Интересно было бы проследить, переносит ли сказочник в русскую сказку мотивы и образы сказки остяцкой или эвенкийской.

Наряду с отмеченными недостатками, в анализе сказок И. Г. Парилова есть и очень меткие наблюдения. Совершенно справедливо автор указывает на связь сказки с современностью, с Великой Отечественной войной. Сказка Нарыма в значительно большей степени, чем песня, включает в себя новые военные мотивы. Показательно прежде всего широкое бытование богатырских сказок в дни Отечественной войны. Очень интересны наблюдения автора над стремлением сказочника связать рассказы-взвешенное произведение с современностью. Убедительно также показана связь сатирической сказки с дореволюционной действительностью, а также влияние современной советской зажиточной жизни на постепенное угасание печальной традиционной песни. Однако связь фольклора с действительностью, с реальной жизнью не везде последовательно показана и не объяснена.

В основу подбора материала автор положил критерий художественной и эстетической ценности материала, выбрав лучшее из имеющихся в его распоряжении записей. Надо признать, что с этой точки зрения автор добился успехов. Публикуемые им тексты в своем большинстве имеют художественные достоинства и ценные в научном отношении. Прекрасные варианты традиционных волшебных сказок (из них особенно выделяются «Бова» и «Полет на журавлях») свидетельствуют о выдающемся

мастерстве нарымских сказочников. Песни и частушки подобраны со вкусом и достаточно полно характеризуют богатую песенную традицию Нарыма. Сборник И. Г. Парилова удачным подбором публикуемого материала выгодно выделяется среди других областных сборников (ср., например, «Советский фольклор Чкаловской области», Чкалов, 1947 или «Шумел сурово брянский лес», Брянск, 1946, в которых зачастую публиковались низкопробные в идейном и эстетическом отношении тексты). Сборник свидетельствует о том, что устное творчество советского народа, выросшее на богатой традиции прошлого, развивается и крепнет, обогащается качественно новыми произведениями, отражающими новую счастливую жизнь советского народа.

Л. Пушкарев и Л. Старцева.

Byliny Přeložil Petr Kříčka, Sfinx. Bohumil Janda. Praha, 1946.

Громадный интерес к советской литературе за рубежом был засвидетельствован выставкой переводов последней, устроенной в Москве Союзом советских писателей. В славянских странах этот интерес особенно глубок, и направляется он не только на советскую литературу, но и на все великое русское искусство. Этим можно объяснить появление рецензируемой книги, в подготовке которой принимали участие Jiří Hořák и Petr Kříčka (подбором текстов), VI. Peremilovskij (составлением объяснительной статьи к изданию былин) и Bohumil Janda (изданием книги в издательстве Sfinx). Книга дает 35 былин и исторических песен с короткой статьей о них. К сожалению, в книге отсутствуют примечания с указанием, откуда взяты тексты и что они собою представляют. Надо заметить, что в популярном издании, каким является рецензируемая книга, такие примечания необходимы.

Если помещенные в книге былины дают более или менее полное представление об этом жанре русского фольклора, имеющем громадное художественное значение, то об исторических и «низших эпических» песнях читатели не смогут вынести правильного представления — ввиду их помещения в книге в чрезвычайно малом количестве.

В книге опубликовано пять былин об Илье Муромце, три былины о Добрыне, а остальные повествуют о других богатырях: Алеше Поповиче, Вольге, Микуле, Святогоре, Михаиле Даниловиче, Василии-пьянице, Михаиле Казаринове, Сухмане, Ставре, Хотене Блудовиче, Садке, Василии Буслаевиче, Соловье Будимировиче, Чуриле — или представляют собою песни: «Непра и Дон» и «Гибель богатырей». Таким образом оказываются недостаточно освещенными богатыри Добрыня и Алеша Попович, и совершенно отсутствуют песни о богатырях: Дюке, Дунае, Михайле Поточе, Даниле Ловчанине и др. Да и самый выбор отдельных былин не всегда обоснован: непонятно, например, исключение из сборника былины о молодости Василия Буслаевича; былина о поездке его в Иерусалим не дает полной характеристики этого замечательного былинного героя; также было бы лучше напечатать былину «Святогор и тяга земная», чем менее значительную, рассказывающую о его смерти, и т. д. Протест вызывает помещение былины «Алеша и Тугарин» только в ее первой половине (182 стиха), тогда как именно конец былины ярче всего раскрывает идейный смысл образа Алешы Поповича, несмотря на наличие в этом варианте некоторых противоречий в ходе рассказа.

Совершенно не выдерживает критики выбор текстов исторических песен. В сборнике даны песни: «Ермак и его поход в Сибирь», «Стенька Разин» и «Смерть Грозного». Отбор этих песен очень спорен. «Смерть Грозного», например, не является произведением первостепенной значимости, и непонятно, почему выбрана эта песнь, а не «Взятие Казани», «Грозный и сын», песни из Смутного времени и XVIII в. Также обращает внимание, что из цикла песен о Степане Разине взята одна из наименее характерных. Равным образом подбор «низших» эпических песен носит односторонний характер (включены песни только о безымянных персонажах).

Размещение текстов в книге воскрешает порядок печатания их в изданиях XIX в.: сначала напечатаны былины о Вольге, Святогоре, потом об Илье Муромце, Добрыне, Алеше, затем об остальных богатырях. Такое размещение былин основывается на концепциях романтико-идеалистической теории мифологической школы, разделяющей богатырей на старших и младших. Советские издания былин обычно размещают их или по степени популярности богатырей (сначала песни об Илье, Добрыне, Алеше), или по времени хронологического приурочения былин (сначала о Добрыне, Алеше — издание Сабашникова), или по циклам — киевскому, новгородскому, или, наконец, по характеру былин (воинские, новеллистические).

В выборе текстов редакторы издания шли научным путем, заимствуя их, как удалось установить, из лучших изданий былин XIX в.: Кириши Данилова, Киреевского, Рыбникова и Гильфердинга (кроме песни о Вавиле и скоморохах, взятой из Архангельских былин Григорьева). Из собрания Кириши взяты девять текстов былин, из Киреевского — три, остальные из Рыбникова и Гильфердинга. Однако ненаучным с точки зрения техники издания былин, установившейся еще со времени печатания Онежских былин Гильфердинга, нужно считать печатание их без указания, от каких сказителей (певцов) они записаны. В сборнике былины, взятые из собраний Рыбникова и Гильфердинга, как удалось установить, принадлежат в некоторых случаях